

ТАК БЫЛО

Людмила Гурченко принадлежит к числу самых популярных актрис советского кино. Ее любят за яркие роли, песни, сатирический дар. Многие наши читатели просят организовать встречу с ней на страницах «ЛП». Их интересует, как начался творческий путь артистки, что помогло раскрыться ее многогранному таланту.

Недавно в издательстве «Молодая гвардия» вышла книга Л. Гурченко «МОЕ ВЗРОСЛОЕ ДЕТСТВО», в которой автор не принужденно и доверительно, с литературным блеском и неподдельным юмором рассказывает о себе, о нелегко прожитых годах и пережитом. В этих записках, поражающих тонкой наблюдательностью и психологической глубиной, Л. Гурченко раскрывается и как настоящая писательница. В центре воспоминаний — колоритный образ отца, М. Г. Гурченко, человека щедрой души и незаурядного обаяния.

На наш взгляд, повествование актрисы содержит ответ на просьбу друзей нашей газеты.

Принимая во внимание, что книга «Мое взрослое детство» еще не успела дойти до массового читателя, особенно в лесных поселках, печатаем отрывки из нее.

Я хочу попытаться рассказать о своем отце. Человеке, сильном и слабым, веселом и трагичном, умном от природы и почти совсем неграмотном в сегодняшнем понимании слова «образование». Из прожитых семидесяти пяти своих лет сорок пять папа жил в городе, но так и не научился говорить грамотно. Город и цивилизация его как бы не коснулись.

Люди, которые хоть раз общались с ним, встретив меня через время, всегда задавали один вопрос: «А как твой папа? Ну расскажи про своего папу... Ну, пожалуйста!»

И я рассказывала. Они смеялись, поражаясь его неожиданным поступкам, его речи, ему...

Папа прошел через всю мою и мамину жизнь, наполнив ее радостью, юмором, уверенностью, что мы с мамой — прекрасны.

Папа часто и с удовольствием рассказывал о себе. Я попробую воспроизвести его речь как можно точнее, потому что без этой речи нет моего папы.

Мой папа, Марк Гаврилович Гурченко, родился в деревне Дунаевщина Рославльского района Смоленской области. Он родился в 1898 году, но всем говорил, что в 1899-м.

— Марк, — ехидно спрашивала мама, — ну зачем ты врешь? Ты же по паспорту 1898 года... Ну что тебе дает один год?

— Не нада, Леличка, не выводи меня. — Обычно горячий и невыдержанный, папа, когда речь заходила о его возрасте, сразу притихал и всегда терпеливо объяснял маме: — От человек, ну что ты скажешь... Я ж тебе говорю, что тыща восемьсот девяносто восьмой год при царской службе служив последний год. А я у царской службы не служил! Значит! Што выходить? А? А-а!!! Тота. Да зачем мне врать, галава ты. Я ж увесь як на ладони... Да-а у девять лет я вже батрачил. Пас у пумещика лошадей. Сонце усходить, и я встаю.

МОЙ ПАПА

Раз заснув, а лошади — у клевер. И вокурат у етый самый момент пумещик проежжав, ну... поля проверяя. Он меня соннага пугую (кнутом) як потянуть... Во було дела-а. Я ускочил: «Пан, бейте сами, только батьке не гаварите... Батька меня насмерть зашибеть...»

А когда, пригнав лошадей, приишов у хату — батька бив... Да-а, батька меня вже и здоровага бив... Ну, правда, було за што. Раз — мне уже тада лет двадцать було — усю ночь с хлопцами у соседний Сморкачевке з дивками гулял. А у четыре утра вже у поле выходить нада... Приплевся пьяный, а тут вже усе меня ждуть — стоять кала хаты: батька, matka, браты Иван и Мишка, а Егор ще маленький бив, у хати спав... Батька з топором на меня идет. Matka бросилась на него — он ее вдвипил. Она об землю!.. Усе вскипело у меня за мать. Батька ее часто бив... У глазах усе потемнело, вже не помню што и як — но пошел прямо на батьку...

«А-а-а! На радного отца руку подняв? Ну, держися...» Побежав батька у хату, а з хаты выходить з ружьем... Целить прямо в меня... Стою. Увесь похолодев, зубы стиснув, сам — ни з места... «Ну, — думаю, — усе, Марк, отжил ты свой век». И батька стрельнув... Осечка, брат... А ружье новое було, осечки не давало. Усе стояли белые, як мел...

«Ну, долго жить будешь, сукин сын. Моли бога, сынок...» — Вдарив об землю ружье и пошел у стэг.

...Да-а, ну дальший — у революции служив. Поббили усех пумещикув к... матери, та

што там говорить. Да-а, ну а потом, значить, бросили меня з группу наших хлопцев на его, як его... раскулачивание...

А у ето самое время вокурат усе наши деревенские хлопцы у город подались, многие подались. У город, у шахты. Ну и я з ними.

И вот у Кривом Рагу на руднике, десять лет забойщиком бив. Там, братва, такие драки были... куда там... Деревенские хлопцы такого зроду не видали. Там меня, наверно, и щас многие помнят. Да-а... А особенно етый брат, — показывал папа на женщину, если в компании слушателей находилась такая. А если женщины не было, то смотрел на маму. — Та што там гаварить... У те годы «етага брата» у меня було... ну сотни. Ну любили ж они меня, э-э-э-эх!!! — и тут же быстро оглянувшись, нежно позвав: «Крош-ка!» (папа стал маму так ласково называть, когда вес ее приблизился к ста килограммам), и, убедившись, что мама не слышала ничего, с удовольствием продолжал и всё вырастал и вырастал в глазах мужчин-слушателей...

Да-а, ну значить, дальший... да, забыв. У дивевни я, ще хлопцем, веселил девок на двухрядной гармонии. А у Кривом Рагу дело пошло чуковней (шустрей). Перешел уже на трехрядный быян, та што там... Ни одна свадьба без меня не обходилась. И меня усе любили з дорогою душою, ну и я к усем по ласке.

Да-а, так вот, значить, дальший. А дальший — у тридцать втором году — меня высунули в интеллигенцию. Тада много способных хлопцев посылали на высшее образова-

ние. Меня у Харьковский муз-драминститут. Он тада вокурат стояв на Бурсаком спуски. Выдержав я етый институт усего два года. Вот где, братва, испытыв я исключительный позор и голод. Та што там, мамыньки родныи... Ну, образование у меня што? — четыре класса, поповский школы, ну, немного техникума у Кривом Рагу. А тут тьябе и политэкономия, и «Капитал» Маркса... Куда мне усе ета... Да я ноты один полгода вчил. А там и теория, и гармония...

И тут вокурат устроился я ув одной школы детям на переменах играть. У раз — десять рублей! А?? Ага! — вижу, дело пошло чуковней. И тут смотрю — секретарь комсомольской организации... такая крепкая, цыцхои большие, глаза прия-атныи... Ну я ей и гаварю: «Будь ласка, барышня, помогите мне детей организовать». Так нежно ей гаварю, ну, словом, подлажу до ней... «Ну, конечно, пожалуйста, дядя Гриша», — так интеллигентно отвечать. А меня тогда Гришу звали. А то, говорить, што ета у тебя за имя — Марк? Нерусское ета имя... Ну як же не русское? Як же не русское, если я родився 23 апреля, на день святого Марка. Так меня Маркую и называли... Да у меня усе братья: Иван, Мишка, Егор, батька Гаврила Семенович, мать Федора Ивановна — усе русские, да уся деревня русские... У нас других зроду не було...

...Да, так вот ета самая комсомольский секретарь гаварить мне: «Дядя Гриша, с удовольствием помогу вам, только расскажите, научите, пожалуйста...»

...Вот я и навчив на свою голову. Вже тридцать лет вчу. Ета ж и была Лялюша. Ну, Леля, Елена Александровна Симонова, Люсяна мать.

Это была моя мама. Тогда она училась в девятом классе. Мама была 1917 года рождения. И папа хот на год, но сокращал этот трагический для него возрастной разрыв... (Продолжение следует)